

Лишь теперь Тан Шэнь до конца понял: Чжао Фу отправил его в Ючжоу не только ради исполнения того поручения, но и для того, чтобы он стал опорой для Су Вэньюня! Внедрение шпионов в Государство Ляо под прикрытием Приказа серебряных ассигнаций изначально было идеей самого Тан Шэня. Впрочем, он прекрасно осознавал, что по части опыта и сноровки уступает искушённому Су Вэньюню. Однако Су Вэньюню в городе Ючжоу не на кого было опираться, и его силы уходили впустую. Поэтому Чжао Фу и направил Тан Шэня к нему, дабы они объединили усилия.

Тан Шэнь, будучи сторонником Ван Чжэня, мог приглядывать за Су Вэньюнем, а Су Вэньюнь, в свою очередь, следил за ним. Между ними возник тонкий, хрупкий баланс.

Замыслы Чжао Фу напоминали тёмную, глухую бездну. В её глубинах затаился дремавший дракон: свернувшись кольцами на самом дне, он приподнял голову и холодным, пронизывающим взглядом взирал на весь внешний мир.

В пригороде города Шэнцзин затерялась тихая усадьба.

Она располагалась среди безмолвной бамбуковой рощи и снаружи выглядела весьма скромно. Но стоило шагнуть за ворота, как взору открывался совсем иной мир. Живописные альпийские горки из причудливых камней, журчащие ручьи с мостиками — всё дыхание Цзяннаня воплотилось здесь. Извилистые крытые галереи петляли, словно русло реки с восемнадцатью излучинами, а на стыке цветочных арок, прямо посреди пруда, безмятежно возвышалась изящная беседка.

Облачённый в белоснежные парчовые одежды, Ван Чжэнь слегка подобрал рукава и с неподражаемым изяществом поднял чайник, медленно заваривая чай. Его движения отличались удивительной ловкостью и плавностью — зрелище поистине завораживающее. Ладонью он аккуратно подвинул пиалу к сидящему напротив человеку, а тот принялся пить, удерживая чашку обеими руками.

Нынешний Правый канцлер Ван Цюань едва заметно улыбнулся:

— Хорошо.

Ван Чжэнь усмехнулся:

— Второй дядя хвалит меня выше меры.

— К слову, я не бывал в твоей усадьбе Люци полгода, — проговорил Ван Цюань. — «Струятся чистые воды, текут они прямо к реке Ци...» С чего вдруг ты решил приехать сюда сегодня?

— Недавно из управы Гусу привезли камень Тайху, — ответил Ван Чжэнь.

— О? И где же он?

Ван Чжэнь указал на массивную глыбу, лежащую в пруду под наклоном.

Ван Цюань поднялся, подошёл к краю беседки и, немного взглядевшись, произнёс:

— Форма причудливая и острая, цвет глубокий, насыщенный, а какова пористость! Это поистине великолепный дырчатый камень. Как ты его назвал?

— Имени ему я ещё не дал.

— Хочешь, Второй дядя подберёт название? — с улыбкой предложил Ван Цюань.

Ван Цюань сказал это между прочим: усадьба Люци являлась личной резиденцией Ван Чжэня. Двенадцать лет назад, заняв первое место на государственных экзаменах, Ван Чжэнь официально вступил на службу. В пожалованной императором усадьбе победителя экзаменов он прожил недолго и вскоре перебрался в дом, который Клан Ван из Ланъя специально подготовил для него в Шэнцзине, — впоследствии тот стал Резиденцией министра.

Клан Ван из Ланъя обладал колоссальным влиянием и мог предоставить Ван Чжэню любые удобства. Однако когда Ван Чжэнь поднялся до чина третьего ранга, помощь клана перестала быть для него жизненно необходимой. Усадьба Люци — это поместье, которое Ван Чжэнь купил сам восемь лет назад.

Отпрыскам клана Ван была присуща особая ревность и собственническая привязанность к своим вещам.

Хоть усадьба Люци и была невелика, в неё вложили невероятное мастерство. Чтобы воссоздать в таком месте, как Шэнцзин, пленительный цзяннаньский сад, Ван Чжэнь потратил огромные средства и усилия. Но это были его личные владения, куда Ван Цюань заглядывал крайне редко и без приглашения никогда не приходил.

И всё же Ван Цюань никак не ожидал, что его старший племянник без тени сомнений ответит:

— Благодарю, Второй дядя, но не стоит. Кое-кто другой обещал дать ему имя.

Ван Цюань удивился:

— Кто же?

— Он ещё не вернулся в Шэнцзин.

Ван Цюань на мгновение опешил, а затем всё понял. Он качнул головой, сочувствуя своему невероятно одарённому племяннику, но сдержался от лишних слов.

— Этот Тан Шэнь, Тан Цзинцзэ... Он, кажется, уже прибыл в Ючжоу? — перевёл тему Ван Цюань.

— Да, — подтвердил Ван Чжэнь.

Помолчав, Ван Цюань со вздохом произнёс:

— Цзыфэн, тянуть руки слишком далеко — не всегда к добру. Прожить с кем-то жизнь — значит делиться пониманием и поддержкой, а не пыжиться и закрывать собой весь небосвод. Ты столь искушён на службе и в людских делах, неужели не понимаешь такой простой истины?

На утончённом, красивом лице Ван Цзыфэна на миг отразилось редкое замешательство. Впрочем, почти сразу он улыбнулся:

— Второй дядя прав.

Когда Ван Цюань ушёл, Ван Чжэнь остался сидеть в беседке, неотрывно смотря на камень Тайху среди воды.

Спустя долгое время он с лёгкой иронией тихо произнёс:

— На словах-то всё легко... Эх, Второй дядя, Второй дядя, а сам-то ты даже в собственных покоях порядка навести не смог!

В это время Ван Цюань, только что вернувшийся в Усадьбу Правого канцлера, внезапно почувствовал, как по спине пробежал холодок. Могущественный вельможа нахмурился, подумав: «Уж не тот ли сопляк Ван Цзыфэн поносит меня за спиной?»

Надо признать, у человека, дослужившегося до такого поста, даже шестое чувство развито несравненно сильнее, чем у обычных людей.

Тан Шэнь, разумеется, понятия не имел о происходящем в Шэнцзине. Он и не подозревал, что, сам того не ведая, стал причиной, по которой Ван Цзыфэн получил нотацию от Ван Цюаня о правильном ведении семейной жизни. И хотя о притянутых за уши отношениях канцлера Вана с собственной супругой знал весь Шэнцзин, это ничуть не мешало господину Ван Цюаню строить из себя наставника.

Впрочем, если бы Тан Шэнь узнал об этом, он вряд ли придавал бы этому значение. С каких пор их отношения со старшим братом стали семейными? Они же просто собратья по учёбе.

На следующее утро глава Приказа серебряных ассигнаций Линь Сюй снова явился с визитом.

В то же время к Тан Шэню со своими людьми пришёл и Лу Шэнь. Отрады встречаться друг с другом они не испытывали: Линь Сюй и Лу Шэнь обменялись свирепыми взглядами. Выйдя из комнаты и застав эту картину, Тан Шэнь почувствовал, как у него закипает голова.

— Идёмте, — сказал Тан Шэнь. — Сегодня навестим Приказ серебряных ассигнаций.

— Слушаюсь! Господин Тан, прошу, я укажу дорогу, — отозвался Линь Сюй.

На полпути Тан Шэнь заговорил:

— Господин Су Вэньюнь, правый заместитель министра Приказа общественных работ, прибыл в город Ючжоу месяц назад. В Шэнцзине мы были знакомы, да и надо же такому случиться, что Государь отправил нас сюда одновременно. Пусть задачи у нас разные, но мы всё же коллеги, и мне любопытно. Господин Линь, вы не знаете, чем занимался господин Су с тех пор, как прибыл в Ючжоу?

Ван Чжэнь и Су Вэньюнь ни в коем случае не состояли в одной фракции, поэтому Линь Сюй не испытывал к Су Вэньюню никакого почтения и выложил всё, чем тот занимался в эти дни.

Как и Тан Шэню, Су Вэньюню для выполнения поручения Чжао Фу выделил людей. Вот только поддержки со стороны Приказа серебряных ассигнаций у него не было, да и с Ли Цзиндэ отношения не сложились. Поэтому за весь месяц он хоть что-то и сделал, но продвигался крайне медленно и без видимых успехов.

Тан Шэнь выслушал Линь Сюя, непрестанно кивая.

Вскоре они прибыли в Приказ серебряных ассигнаций.

По идее, Тан Шэнь прибыл как императорский посланник с проверкой, и местным чиновникам следовало бы не выказывать ему чрезмерное почтение, а скорее насторожиться и проявить бдительность. Однако под руководством Линь Сюя Тан Шэнь без труда получил grossбухи Приказа серебряных ассигнаций за последний год с лишним и принялся внимательно их

изучать.

Бухгалтерские книги были составлены безупречно: каждая статья расходов и доходов расписана с дотошной точностью. Если здесь действительно не было никаких нарушений, то тот, кто вёл эти записи, обладал поистине редким талантом.

Приказ серебряных ассигнаций находился в сфере влияния Ван Чжэня, и Тан Шэнь не сомневался в честности своего старшего брата — подлога в этих книгах быть не могло.

Ван Цзыфэн не был кристально чистым чиновником; Тан Шэнь даже подозревал, что тот не раз закрывал глаза на законы ради выгоды. Но будучи Министром финансов, Ван Цзыфэн имел тысячу способов нажиться и не стал бы марать руки о Приказ серебряных ассигнаций. Ведь от этой службы зависело процветание Великой Сун на десятилетия и века вперёд.

Закончив с просмотром книг, Линь Сюй представил Тан Шэню некоторых чиновников ведомства.

К вечеру Приказ серебряных ассигнаций устроил в честь Тан Шэня пир. Звенели кубки, лилось вино, и после нескольких тостов хмельной Тан Шэнь вернулся на постоянный двор. С момента прибытия в Ючжоу задача Лу Шэня изменилась: теперь он не следил за Приказом серебряных ассигнаций, а охранял Тан Шэня и ждал его указаний. Видя, что Тан Шэнь пьян, генерал Лу приказал подчинённым довести его до комнаты.

Щёки Тан Шэня слегка порозовели, он ввалился в спальню и рухнул на кровать. Он обладал весьма приятной наружностью, так что даже во хмелю не терял своего благородства и нисколько не походил на пьянчугу. Однако Лу Шэнь, бросив Тан Шэня на ложе, тихо сплюнул и с презрением выцедил:

— Пустой чинуша!

После чего со своими людьми шумно удалился.

Вскоре на постоялом дворе снова воцарилась тишина.

Ночь сгустилась, за окном, испугавшись чего-то, вспугнулась птица.

В непроглядно тёмной спальне Тан Шэнь внезапно открыл глаза. Он тихо кашлянул дважды, ощущая сильную сухость в горле. Поднявшись, Тан Шэнь налил себе чашку чая. Хотя он всё ещё чувствовал лёгкое опьянение и уши его горели, взгляд оставался абсолютно ясным и проницательным — от недавнего пьяницы, не державшегося на ногах, не осталось и следа.

Выпив чаю и протрезвев, Тан Шэнь переоделся в тёмную одежду и стремительно покинул комнату.

Бесшумно миновав несколько двориков и обойдя патрульных стражников, он подошёл к одной из комнат. Света в ней не было, словно внутри никого не жило или хозяин давно почивал. Тан Шэнь, однако, тихонько постучал в дверь, и не успело пройти много времени, как её отворили.